Политическое пространство региона / Political space of a region

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 329(497.5)
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

А. С. ЕЛСАКОВ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ХОРВАТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: Хорватия; партийная система; многопартийность; политические партии; идеологические измерения; действительное число партий; электоральная волатильность; поляризация партийной системы; идеологический центр притяжения

Введение: После «бархатных революций» 1989 г. блоковое идеологическое противостояние в Европе прекратилось и произошел демонтаж коммунистических режимов в государствах Центральной и Восточной Европы. Новая среда, в которой оказались страны, отмечена процессами демократического транзита и внедрением рыночной экономической системы. В случае с Хорватией эти обстоятельства дополнительно отягощались необходимостью построения независимого государства в условиях вооруженного конфликта, что явилось серьезным испытанием для населения и политических элит. Указанные события оказали влияние как на политическую повестку дня того времени, так и на партийные предпочтения избирателей. Данная статья является попыткой осветить основную динамику современной партийной системы Хорватии и определить ее характерные особенности, отражающие направления ключевого межпартийного соревнования в системе. Это особенно интересно в условиях отсутствия консенсуса в академической среде по поводу различий между партийными системами государств Западной и Центрально-Восточной Европы как относительно уровня институционализации их партийных систем государств ЦВЕ, так и природы и выраженности основных политических расколов в их политических системах.

Материалы и методы: для анализа партийной системы Хорватии использовались три основных критерия: количество акторов в системе, степень поляризации партийной системы и масштабы ее открытости или закрытости. При установлении эффективного числа партий в хорватской партийной системе применялся соответствующий индекс Лааксо и Таагеперы; показатель общей электоральной волатильности Педерсена

ЕЛСАКОВ Антон Сергеевич, аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9) (*e-mail:* anton.elsakov@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1153-0360

© Елсаков А. С., 2018

позволил выявить уровень укорененности политических партий в обществе; агрегированные данные, относящиеся к дистанции между основными акторами в системе в соответствии с подходом Сиароффа, использовались для измерения уровня концентрации партий в партийной системе. Для определения степени идеологической поляризации партийной системы и основного средоточия программного соревнования в ней были применены соответствующая методология измерения масштабов поляризации в партийной системе Сигельмана, а также модель идеологического центра притяжения партийной системы Гросса и Сигельмана. Для выявления масштабов открытости или закрытости партийной системы был использован подход, предложенный Мэром, где обращается внимание на наличие или отсутствие возможности для каких-либо партий принимать участие в формировании правительства, что связано с присутствующей в системе преобладающей коалиционной динамикой. Для того чтобы вести речь о длительных тенденциях в хорватской партийной системе, мы проводим различие между партийной системой как более или менее продолжительном развитии ее основной динамики и паттерном партийной системы как о ее временном состоянии, поэтому были использованы данные по пяти избирательным циклам с 2003 по 2016 г. Итоговая классификация партийной системы Хорватии сделана не только на основе количества релевантных для системы акторов, но и с учетом как уровня идеологической поляризованности партийной системы, так и наличия или отсутствия в системе определенных идеологических кластеров.

Результаты исследования: данные о количестве и относительной силе акторов системы (действительное число партий), а также степень партийной концентрации в ней указывают на существование двух групп партий в хорватской партийной системе. Без какой-либо из партий, входящих в первую группу лидеров, составление правительства невозможно, в то время как вторая группа может в лучшем случае лишь иметь неплохой коалиционный потенциал для вхождения в состав правительства. В качестве временного явления возможно возникновение классической «третьей» партии в системе, которая оказывается в позиции решающего актора в определении того, какая из двух ведущих будет находиться у власти. Двое последних парламентских выборов указывают на тенденцию появления подобной партии в системе, однако этот временной период все же недостаточен для того, чтобы говорить о «двух-с-половиной-партийности» как об устойчивой тенденции, поэтому общая основа партийной системы Хорватии остается ограниченно многопартийной, где акторы по своей относительной силе в достаточной степени равномерно распределены внутри этих партийных эшелонов. Хорватская партийная система в средней степени идеологически поляризированная, при этом степень поляризации по экономическому измерению ниже, чем средняя, а позиции большинства партий по социально-экономическим вопросам довольно размыты, что в общем и целом является общим местом для посткоммунистических партийных систем. Соответственно, ценностное идеологическое измерение доминирует в партийной системе, и по нему программные позиции

партий оказываются в большей степени определенными. Идеологический центр притяжения системы располагается в центре партийного спектра, что делает основные паттерны межпартийного соревнования в системе стабильными, без значимых скачков в протекании политического процесса. Общая электоральная волатильность системы достаточно умеренна, что указывает на то, что акторы системы имеют свои более или менее постоянные электораты, тогда как волатильность отдельных акторов системы свидетельствует о ее четком кластерном характере, происходящем внутри двух блоков партий. Стабильность властных формул в системе, преимущественно полная смена участвующих в правительстве коалиций в случае прихода к власти новой группы партий, а также ограниченность реальной возможности влияния на правительственную политику для конкретного круга партий делают характер партийной системы Хорватии в большой мере закрытым в контексте стабильности межпартийного соревнование за возможность участия в правительстве.

Обсуждение и заключения: анализ партийной системы Хорватии показал, что она может быть классифицирована как умеренно поляризованная ограниченно многопартийная система с биполярным характером соревнования между двумя основными блоками партий, которые главным образом организованы по ценностному (культурному) идеологическому измерению. Две крупнейшие партии системы, занимающие левоцентристские и правоцентристские позиции по этому измерению, обычно выступают в качестве центров притяжения для остальных. В то же время позиции основных партий по социально-экономическим вопросам не сильно различаются, следовательно, культурное измерение в партийной системе не имеет подавляющего доминирования над экономическим. При этом этническое и внешнеполитическое измерения не являются для хорватской партийной системы сколько-нибудь релевантными, и по этому параметру она отличается от партийных систем большинства ее соседей по региону Западных Балкан. Значимости культурного идеологического измерения для хорватской политии способствовали как структурные расколы, начавшие влиять на формирование партийных систем в Европе еще задолго до Второй мировой войны, так и природа политического режима второй половины XX в., а также вооруженный конфликт, сопровождавший процесс возникновения независимого хорватского государства после 1991 г. В настоящий период партийная система Хорватии отражает достаточно сбалансированный характер взаимодействий между ее элементами. Совокупная стабильность паттернов межпартийного соревнования в партийной системе, происходящих между двумя основными блоками, говорит о схожести хорватской партийной системы с теми партийными системами государств Центральной и Восточной Европы, для политий которых характерно наличие идентичных социальных расколов.

Введение. После «бархатных» революций 1989 г. и прекращения биполярного соревнования между двумя блоками (капиталистического Запада и социалистического Востока) на европейском континенте как внутриполитическая, так и международная политическая обстановка, в которой оказались государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), изменилась коренным образом. Внутриполитическая жизнь стран региона стала развиваться в совершенно другом ключе, нежели это происходило ранее. Страны ЦВЕ столкнулись с вызовами периода демократического транзита, когда общественные и политические институты были вынуждены действовать во многом в новых для них условиях идеологического плюрализма и многопартийности. Кроме того, эти государства резко изменили социально-экономическую модель своего развития, осуществляя свою хозяйственную деятельность в условиях рыночной экономики. На это наложились болезненные для населения перемены, сопровождавшие рыночные реформы, что во многом изменило социальную стратификацию населения и уровень жизни большей ее части. Соответственно, это не могло не отразиться на актуальных для населения вопросах политической повестки дня и на их партийных предпочтениях.

В международном плане произошло изменение самой геополитической парадигмы, и государства ЦВЕ провозгласили свою принадлежность к «западному сообществу». В практическом отношении это выразилось в политической ориентации на усиленное взаимодействие с западными странами и начале процесса интеграции в Европейский Союз, а логическое завершение приобрело в середине 2000-х гг. с формальным вступлением в ряды ЕС. В ряде стран ЦВЕ перечисленные вызовы новейшего периода их истории наслоились на проблему построения нового независимого государства (или возобновления независимости некогда существовавшего), что само по себе является фактором, оказывающим влияние на формирование оси политического соревнования. В случае с Хорватией ситуация отличается от общего тренда развития государств ЦВЕ тем, что на территории значительной части бывшей Югославии (СФРЮ) происходил вооруженный конфликт с соседями по бывшему единому государству. Поэтому вопрос построения независимого государства, его новой позиции в международном сообществе и отношений с соседями по региону стоял для этого государства особенно остро, что также внесло свой вклад в формирование дискурсивных рамок протекания политического процесса, который получил свои особенности.

Так как партийная система любой страны является, помимо прочего, еще и отражением доминирующей повестки дня жизни общества и государства (исходя из такой функции политических партий, как агрегация и артикуляция общественной значимых интересов), то представляется крайне актуальным определить, каково современное состояние партийной системы Хорватии по прошествии двадцати пяти с лишним лет с момента начала кардинальных перемен в ЦВЕ и более двадцати лет с момента начала мирного развития хорватской государственности после распада бывшей Югославии, когда Хорватия уже несколько лет является членом ЕС и НАТО. Это представляется особенно важным в свете непрекращающихся дискуссий в мировом политологическом сообществе по поводу стабильности партийных систем новых независимых государств (или государств «третьей волны» демократизации, последовавшей за ее «второй волной» после трансформации тоталитарных политических режимов начала второй половины XX в.).

Обзор литературы. При анализе партийных систем посткоммунистических государств ЦВЕ в литературе внимание обращается на ряд параметров.

Я. Зелиньски, в частности, отмечает важность первых выборов непосредственно после начала процессов демократизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. для определения формата партийных систем посткоммунистических государств в дальнейшем. Эти выборы, по его мнению, были способны повлиять на то, какие политические разделения станут впоследствии релевантными для партийной системы [1]. Ссылаясь на модель социальных расколов С. Липсета и С. Роккана [2] как структурных оснований, законсервировавших партийные системы стран Западной Европы после промышленной и национальной революций и определивших их формат на долгие годы вперед, Я. Зелински утверждает, что транслирование существовавших в государствах ЦВЕ до Второй мировой войны социальных расколов в партийные системы зависело от того, какие политические партии победили на первых после введения многопартийности выборах, поскольку, по его мнению, именно преуспевшие на первых выборах политические акторы определили ось основных политических конфликтов на долгие годы вперед. Отмечая, что после «замораживания» партийных систем возникновение новых социальных расколов проблематично, он все же допускает возможность того, что такие расколы, оставаясь латентными, будут потенциально релевантными для партийных систем. В контексте стран ЦВЕ, по его мнению, это означает, что политическая значимость классового конфликта, вероятно, будет ниже, чем в Западной Европе.

На важность структурных условий, выраженных в социальных идентичностях индивидов и социальных групп, для определения основных направлений межпартийного соревнования указывают Дж. Эванс и С. Уайтфилд [3]. Например, сопоставляя основные характеристики партийных систем, возникших в независимых Чехии и Словакии, они отмечают множество различных черт, присущих этим системам, несмотря на то, что недавно эти государства существовали в качестве одного (Чехословакии). Эти различия, как указывают ученые, основаны на различающихся форме и содержании основных вопросов, определяющих ориентацию избирателей.

Г. Тока и А. Хеняк описывают различия по ряду ключевых параметров между партийными системами самих государств ЦВЕ уже в XXI в., по прошествии немалого времени с момента начала демократического развития. В частности, они отмечают большую стабильность партийных систем Чехии и Венгрии (где в первом случае доминирующим является экономическое лево-правое измерение в партийной системе, а во втором случае оно практически не выражено, и доминирует культутрно-ценностное измерение) в сравнении с более фрагментированными и менее стабильными партийными системами Польши и Словакии, в чьих партийных системах содержание лево-правого измерения равномерно коренится в религиозно-секулярных и социоэкономических вопросах [4].

Постоянное появление в партийных системах новых акторов вследствие регулярного возникновения новых партий, партийных расколов и слияний, регулярные изменения политических профилей определенных партий, а также высокие показатели электоральной волатильности в качестве критериев крайней нестабильности партийных систем стран посткоммунистической Европы приводит Э. Иннес [5]. Характер преобладания в избирательных стратегиях партий вопросов, актуальных непосредственно на момент электо-

ральной кампании, а не устойчивых программно-идеологических позиций она объясняет условиями беспрецедентных по масштабу ограничений для маневра партий, в которых оказались государства ЦВЕ в недавнем прошлом. Эти условия она определяет как внутренние (безусловный императив проведения экономических реформ, где концепция рыночного либерализма практически не ставилась под сомнение релевантными политическими акторами) и внешние (прямое и косвенное влияние международного окружения, выражающееся в необходимости соответствовать как правилам и нормам международных экономических организаций, так и тенденциям, присутствовавшим в ЕС, членство в котором было первичной целью для стран ЦВЕ).

М. Касапович отмечает важность выбранного пути трансформации от коммунистического режима к демократическому. Соотношение сил между двумя категориями политических акторов, сыгравших наиболее заметную роль в начальных фазах политической либерализации и демократизации коммунистических режимов (старых коммунистических элит и новых антикоммунистических элит), определяет три типа изменения политической системы. В директивной модели демократической транзиции доминирующую роль сыграла старая элита, в переговорной транзиции роль старых и новых элит была сбалансирована, тогда как в случае капитуляции новые политические элиты имели главенствующую роль. Также ученый указывает на важность выбора формы правления для протекания политических процессов в начальный период перехода к демократии, в том числе в партийной системе государства, что может прямым образом влиять на избирательную систему. В частности, в случае с Хорватией она отмечает характерную для этой страны роль избранной в начале 1990-х гг. полупрезидентской модели [6].

С. Новосел отмечает отсутствие в должной мере программной составляющей в соревновании между акторами в партийной системе Хорватии в 1990-е гг., где связи между избирателями и их политическими представителями были крайне слабы и не основывались на выраженных интересах социальных групп. При этом клиентелистские практики, используемые руководящими органами политических партий, в существенной степени затрудняли развитие подобных связей, что также негативно отразилось на стабильности и

предсказуемости протекания политических процессов. Но она вполне допускала, что с течением времени и по мере прохождения нескольких избирательных циклов подобная ситуация может измениться [7].

М. Тавитс приходит к следующим результатам: во-первых, сразу после смены режима после 1989 г. электоральная волатильность партийных систем стран ЦВЕ увеличивается, однако потом тенденция становится обратной по прошествии времени с момента начала демократических преобразований; во-вторых, этнические расколы не влияют на стабильность электоральных процессов, тогда как социальные воздействуют на электоральную стабильность, но только в момент экономических спадов и кризисов; в-третьих, как в целом общественные институты, так и непосредственно уровень экономического благосостояния населения влияют на стабильность партийной поддержки, однако воздействие последнего уменьшается со временем по мере взросления демократии. М. Тавитс в целом отмечает доминирование социально-экономических вопросов над этническими в межпартийном соревновании посткоммунистических стран, так как в условиях неблагоприятного экономического положения граждан они значимы для избирателей [8].

Д. Доленец указывает на роль вооруженного конфликта в бывшей Югославии, который способствовал недопредставленности социоэкономического измерения на парламентской арене партийной системы. При этом, по ее мнению, в принципе социальная структура хорватского общества в целом могла бы приводить к присутствию данного социального разделения в партийной системе государства, и, следовательно, еще до начала 2000-х гг. это обстоятельство теоретически могло бы способствовать большему проявлению экономического измерения в хорватской партийной системе. Между тем этого не происходит благодаря наличию ограничений внутреннего и внешнего характера, существующих для политических акторов, которым в этих условиях не имеет смысла актуализировать данный раскол в виде несущих для партийной системы политических разделений. В качестве подобных внутренних ограничений отмечаются роль исторического наследия коммунистического периода и необходимость для правящих акторов следовать неолиберальной модели экономического развития, как внешние

ограничения выделяются влияние процесса европейской интеграции в широком смысле и общие рамки включенности в глобализационные процессы экономического характера (аргументы, сильно перекликающиеся с утверждениями Э. Иннес о сильных структурных ограничениях для акторов, касающихся выбора ими доступных стратегий поведения в партийной системе) [9].

М. Спирова среди факторов, влияющих на выбор электоральных стратегий посткоммунистическими политическими партиями, называет такие, как программные позиции партий и плотность расположения акторов в идеологическом спектре, прямые и косвенные барьеры избирательной системы, размеры финансирования, доступного для политических партий, прогнозируемую электоральную волатильность, а также членство партий в европейских партийных федерациях и консультативное содействие с их стороны. В ситуации с партийными системами стран ЦВЕ на выбор электоральных стратегий не влияют особенности партийной организации [10].

В. Рэндалл и Л. Свосанд считают, что вряд ли могут существовать единые критерии того, какие конкретные свойства партийных систем окажутся наиболее эффективными для стабильного функционирования демократической системы и для того, чтобы произошла окончательная институционализация партийной системы (являются ли этими критериями идеальное число партий в системе, степень ее идеологической поляризации, наличие доминантных тенденций в партийной системе, а также преобладание тех или иных социальных расколов). Однако они отмечают слабость и невыраженность социальной основы связей между партиями и их электоратом, что мешает возникновению четкого программного соревнования. Соответственно, по их мнению, партийная идентичность, базирующаяся на отдельных этнических или культурных группах населения, особенно препятствует институционализации партийных систем в целом [11].

На негативную роль электорального инжиниринга указывает С. Врцан, говоря о широко применявшихся в 1990-е гг. в Хорватии практиках изменений электорального законодательства, избирательных порогов, органов, ответственных за проведение выборов и надзор за ними, правил подсчета голосов, избирательных округов, прав национальных меньшинств на представленность их политических партий в

парламенте и т. д. Он отмечает негативную для стабильного функционирования партийной системы роль президентской власти в тот период, в частности вмешательство в проведение выборов локального уровня, например необходимость подтверждения избранных руководителей локальных администраций президентом страны [12].

Между тем Г. Чулар считает, что хорватская партийная система уже к середине 1990-х гг. вступает в фазу стабилизации со сравнительно упорядоченными межпартийными отношениями. В то время как в 1990-е гг. партийная система Хорватии имела полностью доминантный характер, где преобладало Хорватское демократическое содружество, после выборов 2000 г. наблюдается кардинальное реструктурирование системы с отходом от доминантного типа партийной системы. Также Г. Чулар особо отмечает доминирование в партийной системе территориально-культурного и идеологическо-культурного раскола, определяющего основной вектор протекания межпартийного соревнования [13].

Материалы и методы. Дж. Сартори понимал партийную систему как «структуру политического пространства, имеющую определенные, четко сложившиеся пути взаимодействия ее составных частей», при которой «партии составляют систему только тогда, когда они являются частями единой системы, и лишь при таких условиях партийная система является системой взаимодействий, вытекающих из межпартийного соревнования» [14]. Соответственно, для анализа партийных систем, согласно Дж. Сартори, необходимо установить ключевые параметры, которые определяют как сам механизм функционирования партийной системы, так и те направления, по которым он развивается.

Анализ партийной системы Хорватии производился с использованием трех основополагающих критериев: количества релевантных элементов партийной системы и степени стабильности их результатов во времени; масштабов ее идеологической поляризованности; наличия устойчивых тенденций коалиционного образования и участия партий в правительстве. Первым критерием являлось число релевантных партий, т. е. партий, значимых для функционирования партийной системы. Количество элементов системы важно потому, что это влияет не только на широту выбора, который открывается перед избирателями, но и на формирование

правительства и в целом ту среду, в которой протекает деятельность политических партий в системе. Особенно это актуально для стран с парламентскими формами правления, к которым и относится Республика Хорватия, поскольку в этом случае партийная система будет наиболее полно отражать протекание политических процессов как основную динамическую характеристику всей политической системы в целом. С целью выявления основных характеристик партийной системы в этом отношении мы использовали индекс действительного числа партий, разработанный М. Лааксо и Р. Таагеперой [15], а также определили степень электоральной неустойчивости системы согласно подходу М. Педерсена [16]. Кроме того, агрегированные показатели концентрации политических акторов в партийной системе государства, в соответствии с методикой А. Сиароффа [17], применялись для установления наличия или отсутствия элементов доминантности в системе.

Вторым критерием для анализа хорватской партийной системы стала степень поляризации, в частности является ли соревнование внутри конкретной партийной системы однополярным (центростремительным), биполярным или многополярным (центробежным), что в совокупности отражает стержневые направления межпартийного соревнования, поскольку партийная система любого государства во многом есть отражение доминирующего в нем внутриполитического и внешнеполитического дискурса. Для этого был установлен идеологический центр притяжения партийной системы по методологии Д. Гросса и Ли Сигельмана [18], на основании чего была определена идеологическая поляризованность системы в варианте, предложенном Л. Сигельманом и С. Нам Ё [19]. В то время как при измерении численности и силы элементов партийной системы мы имеем дело с информацией об относительной силе политических партий в системе (выражаемой в доле полученных ими голосов или занимаемых ими мест в парламентах своих стран), данный аспект исследования партийных систем анализирует политические партии как структуры представительства. Измерение степени поляризации партийной системы подразумевает учет присутствующих в партийной системе ценностных ориентиров, выраженных политическими партиями, т. е. в данном аспекте политические партии рассматриваются как

структуры артикуляции политических позиций в обществе, а сама партийная система — как динамическая характеристика происходящих в системе процессов в форме конкуренции различных программно-идеологических позиций.

Для определения идеологического центра притяжения партийной системы, а также степени ее поляризации были выставлены оценки для каждой из парламентских политических партий, от 1 (крайне левая партия) до 10 (крайне правая партия) по двум разновидностям «лево-правого» измерения — классического (экономического) и постматериалистического (ценностного) на основе анализа их основных программных документов. Аналогичная методика регулярно применяется для рабочих классификаций политических партий при установлении ряда параметров партийной системы (например, степень ее идеологической поляризации) в целях оперирования удобными для проведения исследования числовыми показателями [см., напр., 20]. Кроме того, приписывание каждой партии в системе некоторых числовых значений в смысле ее программно-идеологической ориентации очень часто используется при анализе тех или иных свойств партийной системы путем проведения экспертных опросов.

Третьим критерием анализа партийной системы Хорватии было определение степени открытости или закрытости партийной системы в соответствии с методикой, использовавшейся П. Мэром [21], как характеристики реальной возможности для акторов системы принимать участие в правительстве, наличия или отсутствия устойчивых тенденций в образовании предвыборных или поствыборных коалиций. Здесь речь идет как о существующих сдержках и системных ограничениях, в условиях которых акторы действуют в системе, так и об осознанно избираемых акторами стратегиях своего поведения в системе, которые могут обуславливаться их относительной силой, программными установками и т. д. Данный критерий позволяет делать вывод об открытости или закрытости структуры партийной системы в контексте доступа ее акторов к распределению правительственных должностей и, соответственно, о преобладающей схеме, по которой развивается партийное соревнование в борьбе за участие в правительстве.

Анализ партийной системы Хорватии производился на основе данных по пяти избирательным циклам (с 2003 по

2016 г.), чтобы иметь возможность вести речь именно о присутствии тенденций как устойчивых характеристик партийной системы, т. е. о более или менее повторяющемся во времени стиле межпартийного соревнования, а не всего лишь о некотором временном состоянии или паттерне развития партийной системы (например, А. Сиарофф полагает, что для того чтобы вести речь о некоторых устойчивых тенденциях, необходимо наблюдение за состоянием партийных систем на протяжении минимального периода, равного трем избирательным циклам [17]).

Наконец, классификация партийной системы проводилась нами в соответствии с моделью, применяющейся С. Уолинецом, которая учитывает не только количество значимых для системы акторов, чем очень часто ограничивается большинство типологизаций партийных систем, но и принимает во внимание масштаб идеологической поляризации партийной системы, а также наличие или отсутствие тенденций группирования ее акторов в отдельные блоки (кластеры), что оказывает существенное воздействие на динамику протекающих в системе процессов [22].

Результаты исследования. Как указывалось в предыдущем разделе, первым широким критерием для анализа партийных систем в современной политической науке является определение количества значимых для системы акторов. Число релевантных для партийной системы государства партий крайне важно, поскольку может оказывать влияние на основные тенденции протекания процессов на парламентском уровне партийной системы (например, какое число возможных комбинаций создания правящих коалиционных объединений будет доступно акторам системы, каким образом будет распределяться удельный вес отдельных политических субъектов в образованных коалициях и т. п.), что будет воздействовать и на процессы правительственного уровня партийной системы (например, длительность существования того или иного правительства в зависимости от разницы в силе составляющих его политических партий). Для опредения количества релевантных акторов в хорватской партийной системе, т. е. акторов, способных значимым образом оказывать влияние на протекание политических процессов в партийной системе, в политической науке наиболее широко используется индекс действительного числа

партий, разработанный М. Лааксо и Р. Таагеперой [15]. Значения действительного числа партий для партийной системы Хорватии представлены в табл. 1. Существуют два варианта данного индекса — действительное число электоральных партий и действительное число парламентских партий. Первый рассчитывается на основании долей полученных партиями голосов избирателей и формально имеет отношение к электоральному уровню партийной системы, второй — к парламентскому, так как рассчитывается на основании долей полученных партиями мест в парламенте. Однако две разновидности этого индекса взаимосвязаны, поскольку рассчитываются на основании результатов, показанных акторами в результате одного и того же политического события (выборов) с тем, что электоральные данные для расчета второй разновидности индекса преломляются посредством воздействия избирательной системы. В этом контексте возможно разнообразное влияние избирательной системы на окончательное распределение мест в парламенте между партиями, но значение индекса действительного числа парламентских партий всегда будет меньше аналогичного значения для электоральных партий. Кроме того, поскольку для партийной системы Хорватии весьма характерна подчас большая разница между количеством политических субъектов, прошедших в парламент на момент его созыва по итогам выборов, и их количеством в конце созыва легислатуры, мы определили два действительных числа парламентских партий — начальное и конечное для демонстрации свойственных ее партийной системе процессов увеличения числа парламентских партий уже в период деятельности парламента, так называемой «невыборной парламентаризации».

Показатели действительных чисел рассчитываются по следующим формулам:

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^{n} Vi^2}, \qquad (1)$$

где V — доля голосов партии i (для действительного числа электоральных партий);

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^{n} Si^2}, \qquad (2)$$

где S — доля мест партии i (для действительного числа парламентских партий).

Таблица 1

Действительное число партий в партийной системе Хорватии[1]

Год выборов в легислатуру	ENPP; начальное действительное число парламентских партий	ENPPf; конечное действительное число парламентских партий	ENEP; действительное число электоральных партий
2003	3,56	4,42	5,40
2007	3,07	3,28	4,09
2011	2,62	4,44	4,43
2015	3,26	5,10	3,94
2016	3,31	4,92	3,83

После парламентских выборов 2003 г. в партийной системе Хорватии доминировали две крупнейшие партии — Хорватское демократическое содружество (ХДС) и Социал-демократическая партия (СДП) (которая вышла на выборы в составе коалиции с Партией либеральных демократов (ЛИБРА), Либеральной партией (ЛП) и Истрийским демократическим собранием (ИДС), все из которых являлись меньшими коалиционными партнерами), вместе получившие более 50 % голосов избирателей и более 70 % мест в парламенте. Учитывая это, можно было вести речь о том, что в партийной системе существовал четкий «первый эшелон» партий (ХДС и СДП), сильно отстоящий от других партий системы. Однако показатели действительных чисел партий системы не указывали на четкую тенденцию двухпартийного доминирования в системе: действительное число электоральных партий было равно 4,42, а начальное действительное число парламентских партий 3,56. Дело в том, что, помимо двух крупнейших партий, еще три имели около 10 (из 152 мест в парламенте) мандатов каждая — Хорватская народная партия (ХНП), Хорватская крестьянская партия (ХКП) и Хорватская партия права (ХППр), образуя «второй эшелон» партий системы по своему численному присутствию в ней, которое, тем не менее, все же было недостаточным для того, чтобы приблизиться по своему относительному весу к первым двум партиям. При этом ни одна из двух

[1] Наши вычисления на основе методологии М. Лааксо и Р. Таагеперы [15] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.

сильнейших партий не обладала достаточным числом мест (и даже не была близка к нему), чтобы вести речь о доминантных чертах партийной системы. Соответственно, для формирования правительства в подобной системе необходимо создание коалиций, а поскольку в этой легислатуре по итогам выборов существовали еще партии, которые имели около трех мест каждая — Хорватская социально-либеральная партия (ХСЛП) вместе с Демократическим центром (ДЦ), а также Хорватская партия пенсионеров (ХПП), и которые потенциально могли стать коалиционными партнерами для крупнейшей партии — ХДС, то роль ХНП, ХКП и ХППр не может считаться типичной ролью «третьей партии», характерной для трехпартийных систем [23], которая бы находилась в позиции решающего фактора при определении того, кто будет формировать правительство. В итоге правительство и было сформировано как коалиционное, но минимально выигрышное (поддержку крупнейшей партии дали именно наиболее малые партии вместе с депутатами от национальных меньшинств).

После выборов 2007 г. действительное число электоральных партий составило 4,09, а начальное действительное число парламентских партий — 3,07. Показатели действительных чисел здесь значительно ниже, чем в предыдущей легислатуре, что отразило состояние вещей по итогам парламентских выборов. Две крупнейшие партии, ХДС и СДП, вместе набрали еще больше голосов, чем в 2003 г. Но на этот раз СДП вышла на выборы самостоятельно, а во втором эшелоне партийной системы оказались не три, а две политические силы — ХКП (шедшая на выборы в коалиции с ХСЛП и двумя миноритарными партнерами — Загорской демократической партией и Приморско-горанским союзом) и ХНП. Соответственно, для формирования правительства существовали аналогичные 2003 г. условия, и правительство в итоге было сформировано по схожей схеме: поддержку ХДС дали ХСЛП, ХПП с представителями национальных меньшинств и на этот раз партия из второго по значимости эшелона — ХКП. Показатель конечного действительного числа парламентских партий также гораздо ниже, чем в предыдущем созыве парламента Хорватии, — 3,28, и не сильно отличается от начального действительного числа парламентских партий, поскольку в период этого созыва

Сабора не было значимых для системы колебаний в относительной силе ее единиц (возникли лишь две новые партии — Лейбористы и Социалдемократы, каждая из которых имела лишь по одному депутату).

По итогам выборов 2011 г. индекс действительного числа электоральных партий в хорватской партийной системе был равен 4,43, а индекс начального числа парламентских партий — 2,62. В период этой легислатуры снова очевидно преобладание двух основных игроков в партийной системе Хорватии — ХДС и СДП. Причем в этот раз СДП вышла на выборы в составе большой коалиции, включавшей, помимо прочего, и ХНП, которая уже третий электоральный цикл подряд прочно занимала позиции одного из лидеров второго эшелона хорватских партий. Отсюда проистекают 80 (из 151, т. е. более половины) мест в парламенте, которые по итогам выборов получила данная коалиция. Вполне естественно, что правительство по итогам выборов было составлено этой широкой коалицией, состоявшей из СДП, ХНП, ХПП и региональной партии Истрийское демократическое собрание (ИДС), поскольку необходимости в привлечении иных политических сил к управлению страной не было. Появление пяти новых парламентских партий уже в момент деятельности созыва парламента привело к высокому значению индекса конечного числа парламентских партий — 4,44 (почти такому же, как и значение индекса действительного числа электоральных партий).

После парламентских выборов 2015 г. действительное число электоральных партий составило 3,94, в то время как начальное действительное число парламентских партий было равно 3,26, а конечное действительное число парламентских партий — 5,10. По сравнению с предыдущим созывом парламента мы видим увеличение числа парламентских партий (3,26 против 2,62). Как и ранее, две основные политические силы (в данном случае широкие коалиции во главе с ХДС и СДП) сохранили свой вес на электоральной арене системы (с тем, что ХДС увеличил свою долю по сравнению с предыдущим парламентским циклом, где у него произошло относительное падение на фоне победившей коалиции СДП) и обладают почти равным количеством мандатов — 59 у коалиции ХДС против 56 у коалиции СДП. Однако выборы 2015 г. отмечены появлением новой

политической силы — партийного списка МОСТ, получившего почти в два раза больше голосов (12,6 %) и мест (19), чем ранее удавалось сделать прежним партиям из второго эшелона (не набиравших по отдельности больше 9,0 % голосов и не получавших более 11 мандатов). Эта тенденция партийной системы имеет существенные признаки наличия той «третьей» партии, которая является балансиром между двумя крупнейшими соперничающими блоками. Это вполне ожидаемо нашло отражение при переговорах по составу правительства, когда по сути именно решение этой политической силы определило формирование правительства (которое составили Хорватское демократическое содружество и партия МОСТ) по результатам долгих и сложных переговоров этих двух партий. При этом необходимо отметить, что у новой политической партии имелись альтернативные предложения по формированию правительства со стороны Социал-демократической партии, имевшей сравнимый с ХДС электоральный результат. Показатель начального числа парламентских партий и в этой легислатуре не был выше аналогичных показателей предыдущих периодов как раз в силу того, что ни одна из остальных электоральных сил, помимо трех ведущих, не получила более 2,0 % голосов. Поэтому, несмотря на крайне высокий показатель конечного действительного числа парламентских партий — 5,10 (достигнувший таких величин по причине достаточно активной «невыборной парламентаризации»), основной тренд партийной системы Хорватии после выборов 2015 г. указывает на наличие отчетливого элемента системы «двух с половиной партий» на фоне общей рамочной многопартийности системы.

Наконец, после парламентских выборов 2016 г. отмеченная тенденция постепенной эволюции партийной системы Хорватии в направлении ее трехпартийности (или, точнее, «двух-с-половиной-партийности») как усиление роли и веса в системе партий «второго эшелона» окончательно находит подтверждение. Тем не менее, во-первых, для окончательной классификации типа хорватской партийной системы как системы двух с половиной партий в соответствии с количеством релевантных партий в системе необходимо повторение тенденции на протяжении не менее трех электоральных циклов, тогда как здесь эта тенденция четко проявляется начиная с 2015 г. Во-вторых, партия МОСТ все же не мо-

жет считаться единственной, обладающей всеми свойствами, присущими классической «третьей» партии системы: на выборах 2016 г. лишь несколько меньший, чем партия МОСТ, результат получил партийный список во главе с партией «Живой щит» с 6,2 % голосов также технически мог претендовать на данную роль; при этом сама партия МОСТ, пережив процесс откола от нее ряда небольших частей, уменьшила свой электоральный результат в сравнении с выборами 2015 г. (с 13,6 до 9,8 % голосов и, соответственно, с 12,6 до 8,6 % мандатов), тогда как избирательный список во главе с партией «Живой щит» увеличил свою долю мандатов в парламенте с 0,7 % до 5,3 %. Несмотря на то что в итоге партия МОСТ вновь оказала поддержку ХДС в составлении правительства (и снова, как и после предыдущих парламентских выборов, после очень долгих размышлений о необходимости и целесообразности этого шага и альтернативных предложений со стороны коалиции вокруг СДП) и оно также было сформировано как коалиционное, победившая на выборах партия ХДС могла создать и миноритарное правительство. Поэтому в настоящее время все же можно вести речь лишь об устойчивом усилении «второго эшелона» партий, существовавшего на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Вторым параметром, который использовался для определения количества и силы акторов в партийной системе Хорватии, является показатель электоральной нестабильности системы, визуализируемый с помощью соответствующего индекса. Индекс электоральной волатильности (избирательной неустойчивости) системы, разработанный М. Педерсеном [16], указывает на укорененность политических партий в обществе, наличие у них стабильного избирательного корпуса. Для определения характерных для партийных систем тенденций возможно использование данного индекса в двух вариантах — как показателя электоральной неустойчивости отдельных акторов в системе (диапазона изменения уровня их поддержки избирателями) и как показателя общей электоральной неустойчивости системы (диапазона совокупного изменения предпочтений избирателей в отношении всех парламентских партий в системе) от одних выборов к другим. Если в первом случае индекс будет характеризовать наличие или отсутствие стабильного электората у конкретной политической партии в системе за определенный

период времени, кратный одному избирательному циклу, то во втором речь будет идти об общем уровне укорененности политических партий в среде своего электората по партийной системе в целом. Используемый в своей второй разновидности, данный индекс является одним из косвенных показателей недостаточной институционализированности партийной системы.

Показатель электоральной волатильности высчитывается по формуле:

$$TNC = \sum I \Delta Pi,t I , \quad (3)$$

где TNC — совокупная электоральная волатильность системы, P — процент голосов, полученных партией i на выборах t. Соответственно, волатильность является модульной суммой разницы в голосах всех партий на двух следующих друг за другом выборах.

Таблица 2

Электоральная неустойчивость партийной системы Хорватии[2]

Годы начальных и конечных выборов при измерении показателя	TNC; совокупная электоральная неустойчивость, %
2003—2007	21,97
2007—2011	21,17
2011—2015	24,17
2015—2016	9,1

Общая электоральная неустойчивость партийной системы Хорватии в период 2003 — 2015 гг. колебалась на уровне чуть более 20 %, т. е. почти каждый пятый избиратель в среднем менял свои политические предпочтения на каждых следующих выборах (табл. 2).

Если мы посмотрим на волатильность наиболее крупных партий в системе, становится очевидной закономерность по отдельным избирательным циклам. Например, электоральная волатильность для ХДС составляет менее 3,0 % с 2003 по 2007 г. и менее 2,0 % с 2011 по 2015 г. Лишь с 2007 по 2011 г. она составила примерно 13,5 %, что неудивительно в свете того, что именно в 2011 г. после восьмилетнего перерыва к управлению страной пришла коалиция вокруг СДП на волне коррупционных скандалов того периода. В целом указанный период был отмечен резким падением электоральной поддержки ХДС и отсутствием единства в высших ру-

[2] Наши вычисления на основе методологии М. Педерсена [16] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.

ководящих структурах самой партии (в 2009 г. лидер партии вынужден был подать в отставку с поста премьер-министра и был заменен на этой должности своей коллегой). Средняя электоральная волатильность СДП несколько выше, чем у ее основного соперника (около 8,5 % — в 2003—2007 гг., 3,0 % — в 2007—2011 гг., около 10 % — в 2011—2015 гг.), что стало результатом неуспешных попыток прийти к власти в момент доминирования ХДС, подтверждением чему служит отрицательная динамика поддержки этой политической силы (в формате коалиции) в период с 2011 по 2015 г., когда ее результат сократился на 10,0 %. Изменчивость электоральной поддержки других партий в системе в среднем варьируется в пределах 2,0—3,0 %, что не мешает некоторым из них периодически не попадать в состав парламента (благодаря наличию, во-первых, избирательного порога в 5,0 %, во-вторых, особенностям избирательной системы, где партии получают мандаты не в условиях общего результата по стране, а в зависимости от своего результата в каждой из двенадцати избирательных единиц). Единственный устойчиво повторяющийся тренд в колебаниях уровня электоральной поддержки отдельных партий — это неуклонное ее снижение у наиболее «правых» по ценностному (постматериалистическому) идеологическому измерению партий: например, если в 2003 г. ХППр набирала 6,4 % голосов (в 2007 г. — 3,5 %, в 2011 г. — 3,0 %, в 2015 г. — 0,6 % (в последнем случае шла в коалиции с Хорватской консервативной партией), и она с 2011 г. не попадает в парламент.

При сопоставлении общей электоральной волатильности партийной системы по итогам выборов 2015 и 2016 гг. мы наблюдаем ее падение до уровня примерно 9,0 % в последнем случае. Резкое уменьшение общей волатильности партийной системы в период двух последних избирательных циклов (она упала в два с половиной раза в сравнении со средней за предыдущие периоды) и то, что набор политических субъектов, присутствующих в парламенте по итогам выборов 2015 и 2016 гг., остался тем же самым, и практически точно таким же является и их расположение в контексте удельного веса этих субъектов (за исключением партии МОСТ с отрицательной волатильностью в 3,8 % и партии «Живой щит», поднявшейся на четвертое место на последних выборах с волатильностью 1,9 %; при этом волатильность двух крупнейших субъектов партийной системы Хорватии крайне низка — 1,9 % для ХДС и 0,1 % для СДП), указывает на процесс стабилизации партийной системы в значении набора присутствующих в ней акторов.

В целом низкая электоральная волатильность крупнейших партий системы говорит о стабильности соревнования на электоральном уровне хорватской партийной системы, при этом мы можем отметить ее во многом блоковый характер, когда она весьма незначительна при ее сопоставлении в контексте групп партий схожей программно-идеологической направленности, где редко когда голоса партий одной группы уходят партиям другой группы.

Третий параметр, использованный для определения числа и удельного веса акторов в хорватской партийной системе, — агрегированные показатели концентрации партий в системе (подход, используемый А. Сиароффом) [17], — делает возможным выносить суждения о наличии или отсутствии элементов доминирования какого-либо актора или группы акторов в партийной системе. Соответствующие показатели для партийной системы Хорватии суммированы в табл. 3.

Таблица 3

Показатели партийной концентрации для партийной системы Хорватии[3]

Год выборов	PP/PPf	P3%S/ P3%Sf	1PSC/ 1PSCf, %	2PSC/ 2PSCf, %	SR1:2/ SR1:2f	SR2:3/ SR2:3f
2003	8/15	5/5	43,42/41,72	71,71/61,59	1,53/1,23	3,91/2,73
2007	8/12	4/4	43,14/42,48	79,74/77,12	1,18/1,23	7,00/8,83
2011	7/18	4/4	52,98/37,09	84,11/64,90	1,70/1,33	7,83/3,82
2015	8/21	3/4	39,07/32,45	76,16/60,26	1,05/1,17	2,95/3,05
2016	8/18	4/5	40,40/36,67	76,16/60,67	1,13/1,53	4,15/3,00

[3] Табл. 3 составлена нами на основе методологии А. Сиароффа [17] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.: PP — начальное число парламентских партий; PPf — конечное число парламентских партий; P3%S — начальное количество партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; P3%Sf — конечное количество партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; 1PSC — начальная доля мест в парламенте крупнейшей партии; 1PSCf — конечная доля мест в парламенте крупнейшей партии; 2PSC — начальная доля мест в парламенте двух крупнейших партий; 2PSCf — конечная доля мест в парламенте двух крупнейших партий; SR1:2 — начальное соотношение долей мест первой и второй партий системы; SR1:2f — конечное соотношение долей мест первой и второй партий системы; SR 2:3 — начальное соотношение долей мест второй и третьей партий системы; SR2:3f — конечное соотношение долей мест второй и третьей партий системы.

Здесь, как и в случае с показателями действительного числа парламентских партий, мы определили два числа — начальное и конечное — для иллюстрации «невыборной парламентаризации» как отличительной черты партийной системы Хорватии. В тенденции развития партийной системы после 2003 г. видим доминирование двух крупнейших партий, ХДС и СДП, двухпартийная концентрация которых составила свыше 71,0 % мест по итогам выборов. В дальнейших созывах парламента эта доля еще больше, она подбирается к 80,0 % в 2007 г. и достигла почти 85,0 % в 2011 г. (при этом следует заметить, что в 2011 и 2015 гг. эти две крупнейшие партии выходили на выборы в составе коалиций, что также отразилось на доле полученных этими коалициями мест). Несколько меньшая в пяти рассматриваемых легислатурах двухпартийная доля наблюдается после 2003 и 2015 гг., на что повлиял электоральный результат, полученный «третьими» партиями системы (ХНП и МОСТ соответственно). Даже с учетом конечной доли двух партий (в конце созыва парламента) показатель двухпартийной концентрации не всегда приближается к 80,0 % (порог, выделяемый и Ж. Блонделем, и А. Сиароффом для существования трехпартийной системы) [23; 17], поэтому говорить о партийной системе Хорватии как о системе трех (или двух-с-половиной) партий некорректно. Однако в двух из пяти рассматриваемых нами легислатур данная тенденция присутствовала. Соотношение между долями мест первой и второй партий в среднем находится на уровне менее 2 (порога, выделяемого для доминантной системы) — 1,53 в 2003 г.; 1,70 в 2011 г. (где крупнейшая партия вышла в составе широкой коалиции); 1,05 в 2015 г. и 1,17 в 2007 г.: дистанция между ХДС и СДП редко когда бывает высокой, что говорит о достаточно сбалансированном уровне партийной системы в контексте ее лидерского сегмента. В то же время доля первой партии почти всегда колеблется в диапазоне около 40,0 % мест, лишь однажды (все в том же 2011 г., в условиях широкой коалиции) превысив 50,0 %, что недостаточно для того, чтобы вести речь о доминировании одной партии в системе.

Соотношение между второй и третьей партиями в системе ожидаемо велико, около 8 пунктов в 2007 и 2011 гг., что подтверждает вывод о существовании первого эшелона партий (куда входят ХДС и СДП), которые можно назвать партиями — лидерами системы, без участия одной из которых невозможно формирование правительства, и второго эшелона (ХНП, в последнее время также партия МОСТ, а также ряд других партий, периодически получавших от 6 до 10,0 % мест за рассматриваемый период), никто из которых по отдельности не может играть определяющую для составления правительства роль. Из этого вывода существует одно исключение, касающееся созыва парламента по итогам выборов 2003 г., особенно после 2015 г., где разница между второй и третьей партиями в системе меньше, чем в двух других созывах (чуть менее 4 и 3 пунктов соответственно), и третья партия численно стоит несколько ближе ко второй партии. Однако в первом случае доля крупнейшей партии была около 44,0 % голосов, и третья партия не могла иметь большое влияние в условиях относительного доминирования первой партии. Но во втором случае, в условиях самой низкой доли первой партии из всех четырех рассматриваемых созывов парламента (39,0 %) и уже отмеченной сбалансированности первых двух (и противостоящих друг другу) партий, именно роль этой партии становится решающей в определении того, кто будет контролировать состав правительства. Как уже отмечалось, эту роль по итогам выборов 2015 г. сыграла партия МОСТ. Но уже по результатам выборов 2016 г. расстояние между второй и третьей партиями системы вновь растет (вследствие некоторого падения результата партии МОСТ), а значительно увеличившая свой результат по сравнению с предыдущими выборами партия «Живой щит» все же не опережает партию МОСТ. Следовательно, и новейшие показатели концентрации партий в системе свидетельствуют о наличии двух четких эшелонов партий в партийной системе Хорватии.

Как уже отмечалось, вторым широким критерием анализа партийных систем служит определение степени их идеологической поляризации. Это позволяет определить интенсивность межпартийного соревнования в соответствии с основными линиями идеологических измерений, присущих партийным системам. Мы оперировали двумя основными для партийных систем большинства государств мира идеологи-

ческими измерениями — классическим материалистическим (экономическим) лево-правым измерением, где положение партий оценивается согласно их позиции относительно распределения материальных ценностей в обществе и степени желательности участия государства в экономике, и постматериалистическим (ценностным) лево-правым измерением, где принимаются во внимание позиции партий относительно их позиции в отношении нематериальных ценностей (так называемая дихотомия «либертарианство — традиционализм»). Соответствующие показатели для партийной системы Хорватии отражены в табл. 4.

Поляризация (*PSPol*) рассчитывается согласно следующей формуле:

$$PSPol = \sum_{i=1} Fi(Xi - xmean)^2 , \quad (4)$$

где *Fi* — это процент голосов, завоеванных каждой партией, *Xi* — это положение конкретной партии на лево-правой шкале и *xmean* — это среднее значение партийной системы по лево-правой шкале.

Идеологический центр притяжения (ICG) рассчитывается по формуле:

$$ICG = \sum_{i=1}^{n} TiCi , \quad (5)$$

где *ICG* — идеологический центр притяжения, *Ti* — доля мест партии i на выборах, выраженная в десятичных числах, а *Ci* — позиция партии *i* на идеологическом континууме, выраженная числом.

В партийной системе Хорватии на современном этапе идеологический центр притяжения по классическому лево-правому измерению находится на отметке 4,32, а по постматериалистическому измерению — на отметке 5,03. Таким образом, основное межпартийное соревнование партий вращается примерно вокруг центра идеологического спектра, находясь несколько левее от него (на 0,68 пункта) по экономическому измерению, и практически точно в центре по постматериалистическому. Эта ситуация неудивительна, учитывая актуальность для населения страны экономических вопросов, связанных с уровнем благосостояния, и лишь немногие политические партии занимают позиции правее центра по классическому лево-правому измерению, в то время как большинство (включая те, которые находятся в центре или правее центра по второму измерению) — несколько левее центра по первому измерению, что и выражается в некотором смещении влево идеологического центра партийной системы Хорватии по классическому лево-правому измерению.

Таблица 4

Показатели идеологического центра притяжения и поляризации партийной системы Хорватии на современном этапе по итогам выборов 2015 г.[4]

Показатель	Переменная	Значение	Переменная	Значение
ICG	Классическое «лево-правое» измерение	4,32	Постматериалистическое «лево-правое» измерение	5,03
PSPol	Классическое «лево-правое» измерение	0,26	Сумма классического и постматериалистического «лево-правого» измерений	0,47

Показатель поляризации партийной системы Хорватии составляет 0,26 по классическому лево-правому измерению и 0,47 — по сумме двух измерений. Это означает гораздо меньшую, чем средняя, идеологическую поляризованность партийной системы Хорватии по классическому измерению, и близкую к средней — по постматериалистическому как основную тенденцию взаимоотношений партий в системе. В современной партийной системе Хорватии удельный вес партий, находящихся близко к полюсам обеих разновидностей идеологических континуумов, невелик при полном отсутствии политических партий, занимающих позиции непосредственно на полюсах политического спектра. Разброс позиций хорватских политических партий варьируется от 3 до 6 по первому измерению и от 3 до 8 по второму. При этом значение показателей для двух крупнейших политических партий, правоцентристской ХДС и левоцентристской СДП, составляет 5 и 4 соответственно по первому измерению и 7 и 4 — по второму. Как мы видим, ни одна из этих партий, на последних выборах получивших вместе более 75,0 % голосов, не находится на полюсах партийного

[4] Табл. 4 составлена нами на основе методологии Д. Гросса и Л. Сигельмана [18], Л. Сигельмана и С. Нам Ё [19] и данных по выборам в парламент Хорватии 2015 г.

спектра, располагаясь близко к его центру. Именно благодаря этому итоговые показатели идеологического центра притяжения и, соответственно, поляризации партийной системы (являющиеся взвешенными и зависящие от относительной силы отдельных элементов системы) весьма умеренны. Несколько более отдаленное от центра значение для ХДС по постматериалистическому измерению, учитывая значительный вес этой партии, усиливает значимость этого измерения для партийной системы Хорватии: идеологический центр тяжести системы по этому измерению находится на расстоянии в 0,71 пункта правее значения по первому измерению (и степень поляризации по двум измерениям, соответственно, больше, чем по одному классическому), что не меняет общего центристского положения партийной системы. Партийная система функционирует стабильно, в ней отсутствуют споры по поводу распределения материальных ценностей в обществе, которые бы характеризовали партийное соревнование на парламентском уровне как состояние враждебности между двумя четко противопоставленными друг другу лагерями, находящимися на противоположных полюсах, не ставится под сомнение рыночный характер экономической основы хозяйствования. Это выражается и в том, что наиболее «правые» по первому измерению партии, которые одновременно являются и наиболее «левыми» по второму измерению (ХНП и ХСЛП), за последние годы неоднократно демонстрировали тенденции активного сотрудничества с обеими крупнейшими партиями системы (ХДС и СДП), выходя с этими политическими силами в предвыборных коалициях или сотрудничая с ними в парламенте (при тяготении ХНП к СДП и ХСЛП к ХДС). Одна из немногих в достаточной степени «левых» по экономическому измерению партий системы, Хорватские лейбористы, также достаточно активно сотрудничает с другими партиями системы (в первую очередь с СДП). В то же время состав двух крупнейших коалиций (вокруг ХДС и вокруг СДП) на выборах 2015 г. носит более «блоковый» характер в том, что касается второго измерения. Здесь ситуация, при которой бы в составе одной отдельно взятой коалиции присутствовали партии, получившие противоположные значения по второму измерению (как происходит в случае с первым измерением), гораздо более редка и касается единичных случаев

очень широких коалиций, что указывает на относительное преобладание второго измерения над первым в контексте степени поляризации партийной системы.

Наконец, в качестве третьего критерия анализа партийной системы Хорватии на современном этапе была взята степень открытости или закрытости хорватской партийной системы в соответствии с методикой П. Мэра [21], с целью чего был проанализирован партийный состав правительств Хорватии с 2003 по 2016 г.

По итогам выборов конца ноября 2003 г. около месяца потребовалось для составления правительства Республики Хорватия. В итоге оно было сформировано ХДС, ХПП, ХСЛП и ДЦ, а также поддержано представителями национальных меньшинств. Премьер-министром стал лидер ХДС И. Санадер. Этот же человек возглавлял правительство Хорватии и после выборов 2007 г., которое также было коалиционным, но где вместо ДЦ участвовала ХКП. Реконструкция данного правительства, произошедшая в конце 2009 г., не внесла серьезных изменений в партийный состав, его возглавила Я. Косор, представлявшая на тот момент все тот же мажоритарный ХДС. После выборов 2011 г. произошла смена правительства, к управлению которым пришла широкая коалиция СДП, ХНП, ИДС и ХПП. Наконец, после выборов 2015 г. эта роль снова перешла к ХДС, однако уже в совсем иных обстоятельствах, о которых мы вели речь ранее. Здесь коалиционным партнером ХДС оказалась партия МОСТ.

Как видно из состава партийной принадлежности правительств Хорватии с 2003 по 2015 г., а также из внутреннего состава коалиций, в которых партии выходили на выборы, партийная система Хорватии носит достаточно закрытый характер. Те коалиции, которые имели возможность получать доступ к управлению страной, носили в большинстве своем стабильный характер, целиком сменяя друг друга при каждой смене власти. Не отмечено случаев, при которых бы какая-либо из партий, входивших в состав правящей коалиции, например с ХДС, потом вступала в правительство, мажоритарным элементом которого являлся СДП, и наоборот. Если говорить о составах предвыборных коалиций, то и здесь, если они организуются, как правило, есть устоявшийся набор потенциальных коалиционных партнеров:

например, ХНП никогда не выходила на выборы вместе с ХДС, то же самое верно и в отношении ИДС, а ХКП, ХППр и ХДССБ (Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи) никогда не коалировались с СДП. У небольшого числа партий, например ХСЛП или блок «Пенсионеры вместе», в электоральной истории которых есть период, когда они участвовали в коалициях и с ХДС, и с СДП (пусть и не в каждом случае во всех избирательных единицах), однако это отнюдь не представляет общей картины, учитывая явно миноритарный уровень данных политических сил по отношению к «старшим» коалиционным партнерам. Соответственно, партийная система Хорватии носит закрытый характер в том, что существует полная смена участвующих в правительстве коалиций в случае прихода к власти новой группы партий, властные формулы стабильны (если правительство коалиционное, то в нем участвуют почти одни и те же партии), а доступ к управлению страной обычно зарезервирован для ограниченного числа политических партий (даже если допустить возможность предоставления миноритарным коалиционным партнерам определенного числа министерств, мажоритарный партнер будет доминировать в правительстве). Интерес в этом отношении представляет правительство Хорватии после выборов 2015 г., составленное ХДС и МОСТ, в связи с чем мы уже отмечали ту роль, которую сыграла партия МОСТ в качестве «третьей» политической силы. Однако и в этом случае она, несмотря на благоприятность своей переговорной позиции как партии, определяющей, какой из двух крупнейших блоков хорватской партийной системы будет управлять государством, не смогла получить более четвертой части всех министерств.

По завершении внеочередных парламентских выборов 2016 г. партия МОСТ вновь оказала поддержку ХДС в составлении правительства и вновь претендовала на роль фактора, имеющего решающее слово в определении того, какая из двух крупнейших политических сил будет управлять страной. Как и после предыдущих парламентских выборов, решение принималось партией в ситуации наличия альтернативного предложения со стороны коалиции вокруг СДП и после долгих размышлений о необходимости и целесообразности этого шага в условиях непрочности численной парламентской поддержки правительству (в итоге уже после

нескольких месяцев деятельности правительства его члены от партии МОСТ были смещены и заменены функционерами ХДС, а правительство продолжило свою деятельность как «правительство меньшинства»). Кроме того, выборы 2016 г. также примечательны и тем, что в связи со сменой лидера в целом правоцентристская по ценностному идеологическому измерению Хорватская крестьянская партия шла на выборы 2016 г. не в составе коалиции с ХДС (как это было на выборах 2015 г.), а в составе коалиции с СДП; однако на сегодняшний день неизвестно, будет ли это временным либо более или менее постоянным явлением для этой партии. Поэтому это обстоятельство не меняет общий характер системы с точки зрения стабильности властных формул — сам блоковый характер партийной системы не изменился: другие участники широких коалиций не поменяли свои позиции в системе, а почти все акторы партийной системы в совокупности сохранили прежнее положение в ней, поэтому и выборы 2016 г. подтверждают преобладающий закрытый характер партийной системы.

Обсуждение и заключения. Информация, полученная при анализе партийной системы Хорватии, позволяет классифицировать хорватскую партийную систему в соответствии с избранными нами параметрами. Как мы уже говорили, значения действительных чисел партий в системе указывают, сколько реально партий обладает такой относительной силой, которая была бы способна позволять им влиять значимым образом на функционирование партийной системы и тем самым определять ее свойства. В партийной системе Хорватии не существует тенденции отчетливого доминирования одной партии в системе (что и подтверждается указанными значениями действительных чисел), однако есть две партии, которые могут быть названы в числе доминирующих в смысле того, что на практике невозможно сформировать правительство без участия одной из них. Такая тенденция демонстрирует стабильность в течение всего рассматриваемого периода времени, в связи с чем динамику партийной системы Хорватии можно назвать двухпартийной. Однако существует ряд партий, образующих второй эшелон, которые не могут самостоятельно участвовать в создании правительства, но которые в силу своей относительно величины не могут быть проигнорированы при подсчете количества

элементов системы. Эти партии регулярно используются одной из двух ведущих политических сил страны (ХДС или СДП) для создания либо предвыборных коалиций широкого фронта, либо для последующего включения их в правительство с целью получения возможности его сформировать (если у самих лидеров партийной системы не хватает голосов для создания однопартийного правительства), либо с целью создания так называемого правительства «национального единства» (когда имиджевые приобретения, а также ресурсы — интеллектуальные и иные — которые будут доступны в результате кооптации дополнительных партнеров, перевешивают возможные минусы разделения властных полномочий с кем-либо другим). Как мы видели на примере Хорватии, за рассмотренный период не было вариантов создания однопартийного правительства, которое бы при этом являлось мажоритарным. Соответственно, все коалиции, которые заключались после выборов, имели целью создание условий для возможности сформировать правительство большинства, а это давало подобным партиям второго эшелона непропорциональные их относительной силе возможности для влияния на политический процесс. Именно поэтому подобные партии не могут не быть учтены при характеристике партийной системы государства, а значит, двухпартийное доминирование является лишь одной из динамических черт партийной системы Хорватии, в то время как ее общая основа остается несомненно многопартийной. Между тем результаты выборов 2015 г., когда соотношение силы второй и третьей партий системы по итогам выборов составило минимальное для истории электоральных циклов Хорватии с 2003 г. значение — 2,95, особенно процесс последовавшего после них формирования правительства демонстрируют тенденцию появления «третьей» партии в системе (в данном случае речь идет о партии МОСТ). Соответственно, условно возможно охарактеризовать партийную систему Хорватии как умеренно многопартийную с двумя главными партиями при наличии в ней определенного «двух-с-половиной партийного» потенциала. Указанная тенденция подтверждается и результатами выборов 2016 г., где партия МОСТ (а также партия «Живой щит») вместе набирают немалое число голосов.

В то же время показатели электоральной волатильности, конечные показатели действительного числа парламентских партий и показатели партийной концентрации свидетельствуют о средней, близящейся к низкой степени неустойчивости единиц партийной системы на протяжении четырех последних электоральных циклов. Это важное замечание, так как даже при наличии устойчивых динамических трендов в партийной системе какого-либо государства, но демонстрируемых не одним и тем же актором, а их постоянно меняющимся набором, такая тенденция не может характеризоваться в качестве устойчивой характеристики партийной системы (как длительного, регулярно повторяющегося типа взаимоотношений партий в системе). В случае же с Хорватией состав второго эшелона более или менее одинаков за все пять рассмотренных электоральных периодов, что позволяет учитывать эти тенденции в качестве потенциально присущих партийной системе. Это подтверждается и характерными, демонстрирующими стабильность тенденциями соревнования за участие в правительстве, которые в своем коалиционном преломлении продемонстрировали достаточную степень закрытости. Если принять во внимание также средние показатели поляризации партийной системы Хорватии по совокупности двух измерений, то становится очевидным отсутствие ярко выраженных, поляризующих общество тенденций, которые бы могли повлиять на саму суть функционирования партийной системы. При этом большая выраженность ценностного измерения в сравнении с экономическим свидетельствует о потенциальной перспективе того, чтобы данное разделение осталось преобладающим вектором развития межпартийного соревнования в партийной системе Хорватии и в будущем. Поэтому, в соответствии с комплексной методологией С. Уолинеца, который принимает во внимание также степень поляризованности системы [22], мы можем классифицировать партийную систему Хорватии как умеренно поляризованную ограниченно многопартийную систему с биполярным характером соревнования.

Соответственно, если говорить о партийной системе Хорватии в региональном контексте, то можно отметить, что она по основным характеристикам близка партийным системам таких государств ЦВЕ, как Венгрия, Словакия, Польша, для которых также характерен биполярный, блоковый характер

программного соревнования в системе, где основными акторами выступают левоцентристские и правоцентристские (в соответствии с ценностным измерением) политические силы. В ней существуют два основных идеологических измерения, вдоль которых происходит соревнование в системе — классическое и постматериалистическое, с преобладанием второго (как отмечают хорватские исследователи, это наблюдается с самого начала 1990-х гг. [9; 13]). В системе не существует разногласий среди политических партий по поводу основных векторов внешнеполитической ориентации государства (уже несколько лет государство — член ЕС и НАТО), и внешнеполитическое измерение не является релевантным для хорватской партийной системы. Это отличает партийную систему Хорватии от партийных систем соседних государств Балканского региона, например Черногории или Сербии. Иными словами, доминирующее постматериалистическое (культурное) измерение партийной системы Хорватии базируется в основном на классической для большинства стран современной Западной и ЦВЕ оппозиции «либертарианство-традиционализм» и не включает внешнеполитический аспект. Кроме того, поскольку современная Хорватия — в этническом отношении в высокой степени гомогенное государство, и присутствующие в ней этнические меньшинства не являются фактором, формирующим ось межпартийного соревнования, политическое разделение этнического характера также отсутствует. Вместо этого для хорватской партийной системы характерно региональное измерение, заменяющее собой этническое, когда существует ряд региональных партий, показывающих устойчивый электоральный результат в определенных избирательных единицах, но которые не ставят целью подвергать сомнению легитимность и целостность хорватского государства, однако, которые возникли и осуществляют деятельность именно как партии, призванные в первую очередь защищать интересы своего региона на центральном уровне.

Преобладанию культурного идеологического измерения в хорватской партийной системе, на наш взгляд, существует несколько причин. Во-первых, несмотря на то что процессы демократического транзита, которые делали для государств ЦВЕ крайне значимым такое измерение партийной системы, как оппозиция «коммунизм — антикоммунизм», уже

достаточно давно завершены и были образованы и функционируют все институты представительной демократии, включая многопартийную основу партийной системы, в несколько видоизмененном виде, приобретшем содержание оценки социалистического прошлого с позиций дихотомии традиционализма и либертарианства и сопутствующей дихотомии религиозности и секуляризма, данное общественное разделение осталось, и поэтому сейчас служит для партийной системы сильным структурирующим фактором. В диалектическом смысле в случае с Хорватией данная оппозиция уже сразу после распада бывшей Югославии была, с одной стороны, оттенена тем, что крайне значимым в начале 1990-х гг. для партийной системы было измерение, связанное с необходимостью построения нового независимого государства, и почти все партии пред-почитали мобилизовывать своих избирателей в момент военного конфликта 1992—1995 гг. на этой основе, и в таких условиях не существовало ни одной значимой политической партии, которая бы выступала за пересмотр наследия коммунистического периода или бы допускала возможность широкого общественного обсуждения темы самого существования независимой Хорватии, с другой стороны, по завершении конфликта она была бы способна усилиться на новых основаниях, что можно видеть и в настоящее время в контексте существования двух идеологических блоков в хорватской партийной системе. Во-вторых, все основные политические акторы без каких-либо исключений приняли рыночную основу экономической политики. Возможные варианты противоречий включают лишь государственное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, с одной стороны, и полностью неолиберальную модель — с другой. В таких консенсуальных условиях относительно самой основы функционирования экономики объективно остается пространство для преобладания культурного измерения в партийной системе. Помимо того, Хорватия является католическим государством, что также делает, как и в ряде других стран ЦВЕ, секулярно-религиозный аспект культурного измерения релевантным для партийной системы. Кроме того, усиление значения постмодернистского, ценностного измерения наблюдается почти во всех партийных системах европейских стран, и в данном отношении Хорватия также следует общемиро-

вой тенденции. В-третьих, внешнеполитический контекст, способный повлиять на конфигурацию партийной системы, в хорватском случае также сложился таким образом, что практически не оставляет пространства для возникновения общественно значимых оппозиций в отношении направлений международной политики государства. Он гармонично встраивается в общую идеологическую модель измерений партийной системы, в настоящее время лишь в весьма слабой степени выражаясь в разногласиях политических акторов относительно необходимости дальнейшей судьбы ЕС, без наличия крупных политических сил, оспаривающих саму внешнеполитическую ориентацию государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies // World Politics. 2002. Vol. 54, no. 2. Pp. 184—211.

2. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives (eds. Lipset S.M. and Rokkan S.). N. Y.: Free Press, 1967. 64 p.

3. Evans G., Whitefield S. The Structuring of Political Cleavages in Post-Communist Societies: the Case of the Czech Republic and Slovakia // Political Studies. 1998. Vol. 46, no. 1. Pp. 115—139.

4. Tyka G., Henjak A. Party Systems and Voting Behaviour in Visegrad Countries 15 Years after the Transition // Visegrad Votes: Parliamentary Elections 2005—2006 (eds. P. Saradin and E. Bradova). Olomouc: Palacky University Press, 2007. Pp. 210—244.

5. Innes A. Party Competition in Postcommunist Europe: The Great Electoral Lottery // Comparative Politics. 2002. Vol. 35, no. 1. Pp. 85—104.

6. Kasapović M. Parliamentarism and Presidentialism in Eastern Europe // Politička misao. 1996. Vol. 33, no. 5. Pp. 120—135.

7. Leinert Novosel S. Politički sustav Hrvatske (1990—2000) i moguće razvojne perspective // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucion-alni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 81—93.

8. Tavits M. The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 49, no. 2. Pp. 283—298.

9. Dolenec D. The Absent Socioeconomic Cleavage in Croatia: a Failure of Representative Democracy? // Politička misao. 2012. Vol. 49, no. 5. Pp. 69—88.

10. Spirova M. Political Parties in Post-Communist Societies. Formation, Persistence, and Change. Houndmills: Palgrave MacMillan, 2007. 214 p.

11. Randall V., Svesand L. Party Institutionalization in New Democracies // Party Politics. 2002. Vol. 8, no. 1. Pp. 5—29.

12. Vrcan S. Izbori u Hrvatskoj devedesetih: simptomatičan slučaj ili anomalija? // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 229—246.

13. Čular G. Hrvatski stranački sustav 1989—2002 // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 187—210.

14. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge and N. Y.: Cambr. Univ. Press, 1976. 370 p.

15. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12, no. 1. Pp. 3—27.

16. Pedersen M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7, no. 2. Pp. 1—26.

17. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. URL: http:paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (дата обращения: 18.09.2016).

18. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach // Comparative Politics. 1984. Vol. 16, no. 4. Pp. 463—479.

19. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis // Comparative Political Studies. 1978. Vol. 11, no. 3. Pp. 355—379.

20. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality // Comparative Political Studies. 2006. Vol. 39, no. 2. Pp. 155—175.

21. Mair P. Parameters of Change // The West European Party System (Ed. P. Mair). Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1990. Pp. 208—217.

22. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types // Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). L.: Sage Publications, 2006. Pp. 51—62.

23. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // Canadian Journal of Political Science. 1968. Vol. 1, no 2. Pp. 180—203.

Для цитирования: Елсаков А.С. Основные характеристики партийной системы Хорватии на современном этапе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 28—67. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

A. S. ELSAKOV. CONTEMPORARY PARTY SYSTEM OF CROATIA: MAIN CHARACTERISTICS

Key words: Croatia, party system, multipartyism, political parties, ideological dimensions, effective number of parties, electoral volatility, party system polarization, ideological center of gravity

Introduction: after the 'velvet revolutions' occurred in 1989, post-communist countries of Central and Eastern Europe saw the fading of the communist system, and, hence, of the bipolar ideological confrontation in Europe. Being encountered with the challenges of demo-cratic transition and of launching the process of operating their economies on the market basis, the CEE states found themselves in a quite different environment. Moreover, the vehement armed conflict which accompanied the development of an independent Croatian state, could be said as presenting a special challenge to its population and political elites. Those developments should have been influenced in some way or another both the whole political agenda at the time and the partisan preferences of voters. The present article is an attempt to shed the light on the core dynamics of contemporary Croatian party system and to reveal its main features that mirror the way the competition among political parties in the system takes place. It seems even more intriguing, provided that there are continuing scholar debates about whether the party systems of Central and Eastern European states are different from that of Western Europe, either in the level of their institutionalization, or in the nature and presence of main political cleavages.

Materials and Methods: three general criteria were employed to investigate the party system of Croatia: the number of parties in the system, the extent to which the system is polarized, and the level of system's openness or closeness. We use the Laakso-Taagepera's index to define the effective number of parties in the Croatian party system, the weighted index of the system's general electoral volatility, developed by Pedersen, to reveal the level of parties' rootedness in society, and aggregated data on the distance between main parties in party system to measure the concentration of parties in the system in accordance with the Siaroff's approach. The ideological center of gravity, developed by Gross and Sigelman, and the degree of party system's polarization as used by Sigelman were used to gauge the extent to which the system is ideologically polarized as well as to define the main programmatic bias of the key system's actors. Finally, we make use of the approach proposed by Mair to define whether the system is open or closed in terms of the possibility for any one party to participate in government, which, in turn, is closely related to the main pattern of making an electoral or governmental alliances and coalitions. To control for the long-term trends of the Croatian party system, we distinguish between a party system as a more or less permanent development of its core dynamics, and a party system pattern as some kind of a temporary state of system, so we use the data from five consecutive elections, from 2003 to 2016. The resulting classification of the Croatian party system was performed on the basis of the number of the system's relevant actors, the level of its ideological polarization, and the presence or absence of clustering in the system.

Results: the data on the quantity and relative strength of the party system's actors, i.e. the effective number of parties, as well as the degree of parties' concentration in system, indicate that there are two groups of parties in the party system of Croatia; the first group, con-sisting of two leading parties, without one of which it is impossible to form a government, and the second group of follow-ups, which can at best to bargain a more suitable position in a potential coalition. From time to time, there can appear a classic 'third' party in the system as a transi-ent development, which may be in a position to decide who of two leading parties will hold an office. The latest two consecutive elections witnessed such a trend of an emerging 'third' party in system, but it is too early to argue that the system has a steady 'two-and-a-half party' dynamics. Therefore the overall systemic trend remains limited multiparty, whereby the actors are evenly placed, regarding their relative size, inside those two groups of parties. The ideological polarization of the Croatian party system is moderate, and it is even less along the economic dimension, with quite blurred programmatic stances of the majority of parties on socio-economic issues, that could be said is a general trend for the post-communist party systems. Hence, the value dimension dominates over the socio-economic one, and it is that di-mension along which parties elaborated more or less distinctive programmatic identities. The ideological center of gravity is in the central point of political spectrum on two main dimensions, which makes the system stable in its core competition patterns, without extreme leaps and bounds in the political process. Total electoral volatility in the system is quite moderate, that indicates that actors in the system have its own more or less defined electoral constituencies, while the volatility of individual parties shows that there are signs of a volatility between distinct clusters, which occurs mainly inside two major ideological blocks. Finally, the party system of Croatia has a greatly closed character in the sense of stability of patterns of competition for government. The governing formulas are familiar, there is a predominantly wholesale alternation of groups of actors when parties in government change, and the real possibility to influence governmental policy is restricted to a certain range of parties.

Discussion and Conclusions: the analysis of the party system of Croatia has shown that it could be classified as a moderately polarized limited multiparty system, with the bipolar character of competition between two main blocks, predominantly constituted along value (cultural) ideological dimension. Two major parties in the system, those of center-left and center-right stances on that dimension, usually behave as two centers of gravity for other parties, while at the same time do not differ greatly over its socio-economic positions from each other. Hence, the cultural dimension in the system slightly dominates over the economic one, with the total absence of relevant ethnic and foreign policy dimensions in the system, and it is

there the Croatian party system differs from the party systems of most of its neighbors in the Western Balkans. Structural cleavages that have been constituting European party systems well before the II World War, the nature of the political regime in the second half of XX century, and the building of independent state after 1991 in the militant environment, all have contributed to the significance of the cultural ideological dimension in Croatian polity. Now, after more than 25 years of operating in the changed political and economic structural framework, the party system of Croatia reflects a well-balanced mode of interactions among its elements. The overall stability of patterns of interparty competition, occurring between two main blocks, indicates that there is no major difference between the Croatian party system and the party systems of other Central and Eastern European countries with similar underlying social cleav-ages in their polities.

REFERENCES

1. Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies. *World Politics*. 2002; 2(54):184—211.

2. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives (eds. Lipset S.M. and Rokkan S.). New York: Free Press; 1967. 64 p.

3. Evans G., Whitefield S. The Structuring of Political Cleavages in Post-Communist Societies: the Case of the Czech Republic and Slovakia. *Political Studies*. 1998. 1(46):115—139.

4. Tyka G., Henjak A. Party Systems and Voting Behaviour in Visegrad Countries 15 Years after the Transition. Visegrad Votes: Parliamentary Elections 2005—2006 (eds. P. Saradin and E. Bradova). Olomouc: Palacky University Press; 2007. Pp. 210—244.

5. Innes A. Party Competition in Postcommunist Europe: The Great Electoral Lottery. *Comparative Politics*. 2002. 1(35):85—104.

6. Kasapović M. Parliamentarism and Presidentialism in Eastern Europe. *Politička misao*. 1996. 5(33):120—135.

7. Leinert Novosel S. Politički sustav Hrvatske (1990—2000) i moguće razvojne perspective. Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 81—93.

8. Tavits M. The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe. *American Journal of Political Science*. 2005. 2(49):283—298.

9. Dolenec D. The Absent Socioeconomic Cleavage in Croatia: a Failure of Representative Democracy? *Politička misao*. 2012. 5(49):69—88.

10. Spirova M. Political Parties in Post-Communist Societies. Formation, Persistence, and Change. Houndmills: Palgrave MacMillan; 2007. 214 p.

11. Randall V., Svesand L. Party Institutionalization in New Democracies. *Party Politics*. 2002. 1(8):5—29.

12. Vrcan S. Izbori u Hrvatskoj devedesetih: simptomatičan slučaj ili anomalija? Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 229—246.

13. Čular G. Hrvatski stranački sustav 1989—2002. Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 187—210.

14. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge and New York: Cambridge University Press; 1976. 370 p.

15. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. 1(12):3—27.

16. Pedersen M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*. 1979. 2(7):1—26.

17. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. Available at: http:paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (accessed 18.09.2016).

18. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach. *Comparative Politics*. 1984. 4(16):463—479.

19. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis. *Comparative Political Studies*. 1978. 3(11):355—379.

20. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*. 2006. 2(39):155—175.

21. Mair P. Parameters of Change. The West European Party System (Ed. P. Mair). Oxford: Oxford University Press; 1990. Pp. 208—217.

22. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types. Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). London: Sage Publications; 2006. Pp. 51—62.

23. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies. *Canadian Journal of Political Science*. 1968. 2(1):180—203.

About the author:

Anton S. Elsakov, Postgraduate at the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia) (*e-mail:* anton.elsakov@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1153-0360

For citation: Elsakov A.S. Contemporary Party System of Croatia: Main Characteristics. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):28—67. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 30.08.2017.